

**«ВОЛЬНОСТЬ, ДАР БЕСЦЕННЫЙ»:
О ФОРМИРОВАНИИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ
В РОССИИ КОНЦА XVIII В.***

The article analyzes the elements of classical republicanism in the key texts of the late period of Catherine the Great's Russia: *A Journey from St. Petersburg to Moscow* by Alexander Radishchev and *Vadim of Novgorod* by Yakov Knyazhnin. The major elements of the republican style in both texts are the figures of Cato and Brutus, the recognition of the military power of republics, the apology of struggle against tyranny and of heroic suicide. This style of political reasoning contributes to the formation, in the texts by Radishchev and Knyazhnin, of a new republican concept of political liberty conceived as a specific manner of public behavior and the rejection of potential arbitrary rule.

Key words: Alexander Radishchev; Yakov Knyazhnin; Brutus; Cato; republicanism.

Историографическая традиция, восходящая к началу XIX в., давно и прочно связывает два «вольнлюбивых» текста, оказавшихся своеобразным вызовом поздней екатерининской монархии: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина. Важнейшую роль для установления прочной связи между этими текстами в сознании младших современников сыграли гонения, которым подверглись оба текста. Но действительно ли эти тексты столь радикальны?

Конечно же между текстами Радищева и Княжнина существуют глубокие различия (начиная с жанровых); вряд ли можно говорить и о том, что авторы разделяли единую идеологическую позицию или стремились поддержать сходные политические аргументы. Речь, таким образом, идет не о теории или доктрине о языке, стиле, манере говорить на темы, связанные с политикой. По моему мнению, и Радищев, и Княжнин использовали такую манеру говорить о политике, которая действительно позволяет связать «Путешествие...» и «Вадима Новгородского» не только как жертвы страха императрицы перед французской революцией, но и считать их новаторскими текстами для отечественной политической культуры, обозначившими «момент рождения» на российской почве

классического республиканизма¹. Ниже указаны важнейшие элементы этого республиканского стиля, которые характерны и для Радищева, и для Княжнина.

Брут и Катон

Безусловно, обращения к античным образам и темам были для отечественной культуры XVIII в. «общим местом» [см.: Кнабе; Любжин]. Более того, примеры из республиканских историй (Рим, Спарта, Афины) успешно играли роль как образцы для подражания в монархиях и оказывали сильное влияние (прежде всего через французскую драматургию XVII в.) на российских литераторов. Американский исследователь Д. Гриффитс имел все основания характеризовать Екатерину II как «императрицу-республиканку» [Гриффитс, с. 61–101], хотя в данном случае под «республиканством» скрывается преимущественно интерес к примерам из до-блестных биографий древних.

В каноне античных биографий особняком стоит героическая традиция тираноборчества. В нее входит целый ряд ярких фигур (от Гармония и Аристокитона до Диона), но наиболее влиятельными следует считать образы эпохи кризиса и падения Римской республики – Марка Катона Младшего и Марка Брута. Настроенные монархически авторы зачастую рисовали их в негативном ключе (достаточно вспомнить, что в «Божественной комедии» Люцифер в центре преисподней терзает Иуду Искариота – предателя Христа, а также Брута и Кассия – убийц Цезаря), хотя сами по себе обращения к образам Катона и Брута, конечно, не позволяют делать однозначных выводов о настроениях авторов².

¹ Традиция выделения этого интеллектуального течения и его последующего изучения связана с трудами Х. Арендт, Х. Барона, Дж. Покока, Кв. Скиннера и ряда других влиятельных мыслителей и историков. В настоящее время существует обширная библиография о «классическом республиканизме», идут дебаты о содержании термина. В статье используется общая характеристика: традиция республиканизма простирается от Аристотеля, Полибия и Цицерона – через Макиавелли и итальянских гуманистов, английских и нидерландских республиканцев – к американским отцам-основателям, прежде всего Джефферсону. Республиканизм предполагает концепцию *vita activa*, публичную реализацию идеалов гражданских добродетелей и политическую свободу, понятую как «отсутствие возможности угнетения». Скиннер упрекает Арендт и Покока в том, что их трактовка «республиканизма» опирается на понятие позитивной свободы в духе Аристотеля, тогда как истинные республиканцы, по мнению Скиннера, придерживались понятия негативной свободы, восходящего к римскому праву. Однако в контексте данной статьи это различие несущественно; в целом же придерживаюсь именно того взгляда, который Скиннер критикует (см. содержательный анализ этой традиции: [Что такое республиканская традиция]).

² Так, Ф. Мойсенков, переведший на русский язык в 1774 г. историческое сочинение Веллея Патеркула, в предисловии называл Катона «божественным»: «Он [Патеркул] не стыдится теми же красками описывать божественного Катона и ту Ливию, кою история по правде попрекает в честолюбии, коварстве и презрении благопристойности своего пола» [Любжин, с. 164]. Позитивный образ Катона формировала,

В «Вадиме Новгородском» Княжнин (пресловутая «переимчивость» которого одновременно является залогом прекрасного знакомства с европейской традицией) творчески переосмыслил классический сюжет о противостоянии Катона и Цезаря и поместил его в российский исторический контекст. Рурику (Цезарю) – царю описываемого Княжнинным древнего Новгорода, противопоставил Вадим (Катон), принципиально отрицающий саму возможность примирения с царем и воодушевляющий последних защитников «вольности». Связь образов Рурика и Вадима с античными прототипами представляется довольно-таки очевидной. Это понимали и современники: так, А. Ф. Воейков соотносил главных действующих лиц с Брутом и Цезарем [Кулакова, с. 734]:

Действительно, Вадим следует модели действия Катона в Утике и, в еще большей степени, — Брута под Филиппами (самоубийство Брута также последовало за военным поражением). Правда, Вадим, в отличие от Катона, вовсе не увлекается философией (и аддисоновский Катон, и шекспировский Брут в полном соответствии с канонам предстают философами) и куда более жесток к своим родным и близким (в этом смысле он больше похож на другого – мифического – Брута, изгнавшего из Рима Тарквиния Гордого и считавшегося предком убийцы Цезаря).

К этим римским образам обращается и Радищев. В «Путешествии» крестичский дворянин использует рассуждения Катона (чтобы быть точным, со ссылкой на Аддисона) для наставлений детям. А в оде «Вольность» рядом с Брутом фигурирует Вильгельм Телль — ключевая фигура в республиканской истории Швейцарии.

Военная мощь республики

Не менее важной является новация в переоценке военной мощи республик. Восхищение республиканскими военными успехами древних, такими как Марафон или Фермопилы, было общим местом в российской культуре XVIII в. Различие проявляется при выходе за пределы античного контекста — при обращении к таким, например, сюжетам, как войны Швейцарии, Соединенных Провинций или Англии времен республики.

Используя классические аналогии, Княжнин решительно порывает с традиционным для российского XVIII в. восприятием республик

например, поэма Лукана «Фарсалия», хорошо известная в России XVIII в., и трагедия Дж. Аддисона «Катон» (1717), не говоря уже о множестве исторических сочинений. Бруту везло несколько меньше, хотя наряду с историческими текстами его позитивный образ появляется и в трагедиях Шекспира («Юлий Цезарь», 1599) и Вольтера («Смерть Цезаря», 1735). Первый позитивный образ Брута в тексте российского автора, известный нам, — сочувственное упоминание М. М. Щербатова об убийцах Цезаря в памфлете «О повреждении нравов в России» [Щербатов, с. 4].

как «малых тел», уступающих в военной мощи монархиям³. Новгород Вадима воинствен: это настоящая «республика мечей», и, конечно же, у Княжнина нет ни слова о новгородской торговле. Зато:

Вся сила Севера, пред оным бесполезна,
Его могущество, не знающе врагов,
Равняла в ужасе с могуществом богов.
[Княжнин, с. 251]

Вадим вспоминает о славе своего города, который покорял царей и сокрушал соседей:

Возрیم ли на поля — еще звучит там гром,
Которым готф сражен, дерзнув нам быть врагом.

Правление республиканского Новгорода – вполне «римское», оно изобилует отсылками к классическим текстам. Так, Вадим, вернувшийся из военного похода, восклицает при виде города:

И се те славные, священные чертоги,
Вельможи наши где велики, будто боги,
Но ровны завсегда и меньшим из граждан,
Ограды твердые свободы здешних стран,
Народа именем, который почитали,
Трепещущим царям законы подавали.
[Там же]

Радищев, говоря о Новгороде, упоминает торговлю как причину его возвышения. Однако и он также говорит о военной мощи Новгорода: «Сказывают, что все сии монастыри, даже и на пятнатцать верст расстоянием от города находящиеся, заключалися в оном; что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. <...> Старинная речь; кто может стать против бога и великаго Новагорода, служить может доказательством его могущества» [Радищев, 1941а, с. 262–263].

Равным образом и в оде «Вольность» знаменитая похвала «вождю свободы» Вашингтону подчеркивает военное преимущество республики над монархий. Более того, Радищев противопоставляет войско

³ Подобное представление разделяли, например, Феофан Прокопович и В. Н. Татищев. Влияние этой, монархической традиции ощутимо в историографии до сих пор. Так, Д. Гриффитс, характеризуя Екатерину II как «республиканку», отмечает, говоря о господствовавшем в XVIII в. представлении о республике: «Среди атрибутов республиканского правления – поглощенность заботами о благополучии граждан, поощрение торговли, мореплавания и производства за счет ослабления средневековых ограничений, благородная политика толерантности и защиты различных взглядов и убеждений. <...> Если говорить в целом, считалось, что республика ориентировалась на торговлю, ей была присуща социальная терпимость, но в то же время и консерватизм» [Гриффитс, с. 79].

свободного государства наемной профессиональной армии⁴. Республика способна добиться военного успеха, причем это касается не только экстраординарного случая Древнего Рима, но и прецедентов российской истории (Новгородская республика), а также современности (Соединенные Штаты).

Гражданская бдительность

Поскольку республика является могущественной и воинственной, угроза для нее исходит не столько извне, сколько изнутри. Трансформация социального порядка происходит под влиянием коррупции социального строя, в ходе которой фундаментальные добродетели оказываются отринуты и под маской гражданского покоя к власти приходит тиран. Страх перед замаскированной тиранией является одной из ключевых тем для республиканской традиции, культивирующей гражданскую бдительность.

Так, «вольность» в текстах Радищева всегда «тревожная», она существует в контексте борьбы света со мглой, истины с обманом. Но борьба предпочтительнее дремотного рабства: «И вы желаете лучше тишину и с нею томление и скорбь, нежели тревогу и с нею здравие и мужество. Молчите скаредные учителя, вы есте наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы» [Радищев, 1941а, с. 299]. По мнению Радищева, «блаженство гражданское в различных видах представиться может. Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы в нем не пустеют и во градех гордые воздымаются зданием. Блаженно, называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя, нетокмо силою своею, но и словом своим, над мнением других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными» [Там же, с. 315].

Радищев отмечает: «Устройство на щет свободы столь же противно блаженству нашему, как и самые узы. – Сто невольников, пригвожденных ко скамьям карабля, веслами двигаемого в пути своем, живут в тишине и устройстве; но загляни в их сердце и душу. <...> И так да не ослепимся внешним спокойствием государства и его устройством, и для сих только причин да не почтем оное блаженным. Смотри всегда

⁴ Радищев был автором перевода сочинения Мабли «Observations sur les Grecs», где взгляд на военную мощь республик полностью соответствует классической традиции (речь идет о нашествии Ксеркса на Грецию), а взгляд на республики как на маленькие торговые государства решительно отвергается: «Мы не знаем, что такое есть покорение вольного народа. С тех пор, как монархия стала общее в Европе правление, где все подданные, а не граждане и где разумы равно от сребролюбия и сладострастия изнемогают; то война производится в землях, к повиновению обыкших и защищаемых наемниками. Самыя республики, нам предлежащая, представляют токмо толпу мещан, прилепленных ко гражданским упражнениям: отчаяние не родит уже там чудес, и мы не найдем народов, предпочитающих разрушение свое потерянью своея вольности» [Радищев, 1941б с. 245].

на сердца сограждан. Если в них найдешь спокойствие и мир, тогда сказать можешь воистину: се блаженны» [Радищев, 1941а, с. 316].

В княжнинском «Вадиме» речь одного из сторонников Вадима, Пренеста (явление IV), развивает аналогичную тему:

Дождемся ли и мы такой ужасной части,
 Когда властитель наш, в своей спокоен власти,
 Личину хитрости со горда сняв лица,
 Явит чудовище под блесками венца?
 Всечасно окружен свирепостью и страхом,
 Подножья своего считать нас будет прахом
 И, присвоая плод трудов несметных лет,
 Отнимет всё у нас — и даже солнца свет.

[Княжнин, с. 271]

«Вольность» как гражданскую добродетель необходимо бдительно охранять. Пренест жалуется Вадиму на то, что сограждане устали от «гражданских распрей», что народу нравится «прелестная» власть царя:

И истинных сынов отечества сколь мало,
 Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
 Стыдились б того, что в свете смертный есть,
 В руках которого их вольность, жизнь и честь.
 Коварством Рурика граждански слабы силы;
 А воинством варяг наполнен град унылый.

И завершает обращение к новгородским «вельможам» призывом: «...Ваш великий дух на крае бездны дремлет! Проснитесь!..» Борьба предпочтительнее покоя — радикальность такого предположения для российского XVIII в. очевидна.

Тираноборчество

Итак, на авансцене появляется тиран, под видом мира и спокойствия насаждающий угнетение. Бдительность граждан, естественно, должна быть нацелена на борьбу с этим злом. Разумеется, проблема тираноборчества в европейской политической мысли обсуждалась в различных традициях, с использованием разнообразных глоссариев и аргументов [см.: Brincat]. Низвержение тиранов не было чем-то новым и для российской политической мысли XVIII в. Однако литературным тиранам российского XVIII в. «полагались» такие модели поведения, которые исключали у читателя или зрителя сомнения относительно того, кто перед ними. Новаторским же, в силу изложенных выше соображений о военной мощи республик и об опасности «покоя рабского», был подход, в рамках которого свержение государя

не зависело от его действительного поведения. И в «Путешествии», и в «Вадиме» возникает именно такой образ тирана, который приносит мир и спокойствие; вне зависимости от его личных качеств, такой властитель гибелен для общества.

Знаменитый фрагмент из оды «Вольность» отсылает к одному из ключевых сюжетов тираноборчества в истории Европы:

Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
 Что власть в руке своей имея,
 Ты твердь свободы сокрушил.
 Но научил ты в род и роды,
 Как могут мстить себя народы,
 Ты Карла, на суде, казнил...
 [Радищев, 1941а, с. 360]

Тираноборчество включает борьбу с тираном вооруженным путем. В оде «Вольность» Радищев сочувственно описывает свержение тирана восставшим народом. В свою очередь, и Княжнин вкладывает в уста Вадима речь, отсылающую к античному⁵ контексту:

Увы! когда уже здесь всё поработенно,
 Здесь нет отечества — оно всё там вмещенно,
 Герои наши где взносятся над судьбой,
 Готовы умереть иль скиптр попать ногой.
 [Княжнин, с. 258]

Например, образ Рурика у Княжнина резко отличается от традиционного образа тирана в художественной литературе российского XVIII в. Это справедливый и милосердный правитель, призванный волей новгородцев (в отличие от исторического Цезаря, взявшего власть силой) и готовый вернуть царский венец новгородскому народу [Княжнин, с. 299–300]. В этом существенное отличие княжнинского героя от большинства «сценических тиранов» екатерининской России, которые были «столь неприкрыто злобными, а их оппоненты – столь явно добродетельными, что правомочность восстания практически не требовала пояснений» [Wirtschaftfer, p. 166].

Впрочем, сама по себе дилемма свободы или смерти не была чем-то новым для российской литературы XVIII в. Так, например, многочисленные дворцовые перевороты, зачастую обосновывавшиеся защитой «законов» или «общего блага», не породили цельной доктрины сопротивления тиранам; в ходу оставалась рутинная мудрость: кого свергли,

⁵ Речь Вадима напоминает о логике Фемистокла, перед лицом врага призвавшего оставить родной город. На эту же логику, по словам Цицерона [Письма Марка Туллия Цицерона, письмо 303 Титу Помпонию Аттику в Рим], ссылался Гней Помпей, покидая Рим в борьбе с Цезарем. Хорошо известный российскому читателю Плутарх зафиксировал приведенный Цицероном образ в биографии Помпея.

тот и тиран, а определение свободы из «Духа законов» Монтескье, выдержанное в манере «либерализма страха» и продублированное Екатериной II в ее «Наказе», служило основанием для апологии абсолютной монархии [Бугров, с. 179–189]. Плохие государи дают о себе знать, и это касалось не только театральных тиранов; именно в таком духе Екатерина II постаралась переписать историю краткого царствования своего супруга Петра III. Подлинной новацией тираноборчество становилось, будучи связанным с концепцией героического самоубийства, логически вытекающей из сюжетов классических биографий Катона и Брута.

Героическое самоубийство

Современная исследовательница И. Паперно отмечает: «Смерть Катона представляет собой еще одну продуктивную и гибкую смысловую парадигму. В этом случае на первом плане ассоциация между самоубийством и идеей свободы. В прочтении Цицерона и Плутарха, смерть Катона, который покончил с собой в момент падения Римской республики, предпочтя смерть подчинению диктатуре Цезаря, является образцовым актом гражданского поведения» [Паперно, с. 15]. Однако за использованием концепта самоубийства стоит давняя интеллектуальная традиция, восходящая как раз к образам Катона и Брута и к концепции «героического самоубийства»⁶.

В «Путешествии» крестичкий дворянин напоминает своим детям о «слове умирающего Катона» (речь, по-видимому, идет о монологе, открывающем пятое действие трагедии Дж. Аддисона «Катон», хотя Радищев был скорее всего знаком и с первоисточником Аддисона – биографией Катона Младшего, принадлежащей Плутарху), после чего заклинает их: «Если ненавистное щастие изтощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если доведенну до крайности не будет тебе покрова от угнетения; тогда вспомни, что ты человек, вспомяни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. – Умри. <...> Но если во добродетели умрети можешь, умей умереть и в пороке, и будь, так сказать, добродетелен в самом зле... <...> Се сталь, се отравя. – Избавь меня скорьби; избавь землю поносныя тяжести. – Будь мой еще сын. – Умри на добродетель» [Радищев, 1941а, с. 295–296].

И у Княжнина в «Вадиме» тема самоубийства возникает с самого начала трагедии. Один из первых вопросов Вадима вельможам Вигору и Пренесту таков:

⁶ На важность концепта «героического самоубийства» в творчестве Радищева, и в частности на значимость образа Катона, указывал Ю. М. Лотман [Лотман с. 239–249]. Однако Лотман говорит в основном о влиянии на Радищева идей Руссо и Гельвеция и проблеме «материализма» российского мыслителя. Для статьи более важна связь античных образов «Путешествия» с классической республиканской традицией, которую Лотман не рассматривал.

Скажите, как вы, зря отечества паденье,
Могли минуто жизнь продлить на посрамленье?
И если не могли свободы сохранить —
Как можно свет терпеть и как желать вам жить?
[Княжнин, с. 254]

Для Вадима невозможна сама мысль о том, чтобы жить под властью монарха, даже если новгородский народ, утомленный внутренними распрями, искренне умоляет Рурика принять царский венец [см.: Там же, с. 300]. Невозможно согласиться с анализом С. Уиттаткер, которая полагает, что «Княжнин изображает Вадима фанатиком и отцом-тираном... Рюрик, таким образом, является настоящим героем пьесы, а мятежник, который не смог поднять массы, оказывается деспотом; как мог бы он стать любящим отцом для своего народа, если он столь жестоко обошелся с собственной дочерью»? У Княжнина Вадим вовсе не стремится к царскому венцу (или к «отцовской власти» над народом) и не является конкурентом Рурика в борьбе за единоличную власть. Надо отметить, что низким и порочным властолюбцем Вадим предстает в трагедии П. А. Плавильщикова «Рюрик» (написана в 90-х гг. XVIII в., опубликована в 1816 г.), являющейся своего рода полемическим ответом на трагедию Княжнина: «Увидим, кто кого удачнее в коварстве, / Монарх иль раб его, алкающ быть на царстве?» [Плавильщиков, действие 4, явление 1]. Но княжнинский Вадим не таков. В начале второго действия трагедии Рамида, дочь Вадима, предполагает, что отец может завидовать славе Рурика, но весь последующий ход трагедии опровергает такое предположение.

Самоубийство, завершающее путь проигравшего тираноборца, полностью исключало возможность использования приема «кого свергли, тот и тиран», о котором упомянуто выше. Это и есть основание республиканской концепции политической свободы — манеры поведения, связанной с представлением о публичной добродетельной жизни.

Итак, и в «Путешествии» Радищева, и в «Вадиме» Княжнина политическая свобода – это не только отсутствие внешнего принуждения и насилия, но и манера публичного поведения, тесно связанная с политикой. Она связана с политической, публичной жизнью свободного города, и, чтобы уничтожить ее, вовсе не нужно настоящего насилия со стороны власти, достаточно лишь возникновения таких условий, в которых подобное насилие становится возможным (в «Путешествии» определение «вольности» из екатерининского «Наказа», на деле принадлежащее Монтескье [Радищев, 1941а, с. 354], упоминается с ироническим подтекстом). Монархия – господство одного – отвратительна не только при «злоупотреблениях самовластия», она всегда приносит «оковы позлащенные» [Радищев, 1938, с. 15].

Кроме того, героическое самоубийство означает, что свобода – это публичное поведение, а не правовая конструкция.

При этом речь не идет о преимуществе одной формы правления над другой. Например, Княжнин не уделяет большого внимания специфике понимания свободы Вадимом и другими защитниками новгородской «вольности»; читатель должен хорошо знать античный контекст, чтобы адекватно воспринимать сюжет. В свою очередь, Рурик не стремится оправдать свое правление, используя аргументы, связанные с преимуществами монархии перед республикой. Вместо этого он указывает Вадиму на тот факт, что сами новгородцы искренне просят Рурика быть царем – именно к этому их толкает чудовищный опыт непрерывных гражданских распрей. Княжнин не сталкивает аргументы в пользу монархии и республики: его, по-видимому, интересует проблема этоса свободы в контексте социальных перемен.

Итак, тексты Радищева и Княжнина демонстрируют нам ключевые элементы того стиля политической мысли, в рамках которого понимание политической свободы как отсутствия действительного насилия (соответственно и очевидной тирании) трансформировалось в понимание политической свободы как отсутствия потенциального произвола. Конечно, этим смысл рассмотренных текстов не исчерпывается: так, «Вадим Новгородский» может быть прочитан и как прославление монархии, и как история о жестоком отце, и как рассказ о печальных последствиях политической паранойи (для классического республиканизма налет паранойи, впрочем, характерен).

Однако присутствие в «Вадиме» и в «Путешествии» отмеченных выше элементов стиля говорит о том, что авторы обоих текстов свободно владели им и использовали его в прагматическом ключе. Дальнейший анализ творчества Радищева и Княжнина в контексте классической республиканской традиции является, таким образом, важной задачей для изучения российской политической культуры XVIII – начала XIX в.

Бугров К. Д. «Петровская» и «екатерининская» концепции политической свободы в России 2-й половины XVIII в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 2 (114). С. 179–189. [Bugrov K. D. «Petrovskaya» i «ekaterininskaya» kontseptsii politicheskoi svobody v Rossii 2-j poloviny XVIII v. // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2013. N 2 (114). S. 179–189.]

Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир : ст. разных лет. М., 2013. [Griffits D. Ekaterina II: imperatritsa-respublikanka // Griffits D. Ekaterina II i ee mir : st. raznykh let. M., 2013.]

Кнабе Г. С. Русская Античность. М., 2000. [Knabe G. S. Russkaya Antichnost'. M., 2000.]
Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский // Княжнин Я. Б. Избр. произв. Л., 1961. [Knyazhnin Ya. B. Vadim Novgorodskij // Knyazhnin Ya. B. Izbr. proizv. L., 1961.]

Кулакова Л. И. [Комментарии] // Княжнин Я. Б. Избр. произв. Л., 1961. [Kulakova L. I. [Kommentarii] // Knyazhnin Ya. B. Izbr. proizv. L., 1961.]

Лотман Ю. М. Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву» // Лотман Ю. М. О русской литературе : ст. и исслед. СПб., 2005. [Lotman Yu. M. Iz kommentariev k «Puteshestviyu iz Peterburga v Moskvu» // Lotman Yu. M. O russkoj literature : st. i issled. SPb., 2005.]

- Любжин А.* Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М., 2007. [Lyubzhin A. Rimskaya literatura v Rossii v XVIII – nachale XX veka. M., 2007.]
- Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999. [Paperno I. Samoubijstvo kak kul'turnyj institut. M., 1999.]
- Письма* Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. 2 : Годы 51–46. М. ; Л., 1950. [Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu. T. 2 : Gody 51–46. M. ; L., 1950.]
- Плавильщиков П. А.* Сочинения. Ч. 1. М., 1816. [Pavil'schikov P. A. Sochineniya. Ch. 1. M., 1816.]
- Радищев А. Н.* Вольность : ода // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. ; Л., 1938. [Radishev A. N. Vol'nost' : oda // Radishev A. N. Poln. sobr. soch. : v 3 t. T. 1. M. ; L., 1938.]
- Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Указ. соч. Т. 2. М. ; Л., 1941а. [Radishev A. N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu // Radishev A. N. Ukaz. soch. T. 2. M. ; L., 1941а.]
- Радищев А. Н.* Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья греков. Сочинение г. аббата де Мабли // Радищев А. Н. Указ. соч. Т. 2. М. ; Л., 1941б. [Radishev A. N. Razmyshleniya o grecheskoj istorii ili o prichinakh blagodenstviya i neschastiya grekov. Sochinenie g. abbata de Mabli // Radishev A. N. Ukaz. soch. T. 2. M. ; L., 1941б.]
- Что* такое республиканская традиция : сб. ст. / науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2009. [Chto takoe respublikanskaya traditsiya : sb. st. / nauch. red. O. V. Kharkhordin. SPb., 2009.]
- Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1983. [Scherbatov M. M. O povrezhdenii нравov v Rossii // «O povrezhdenii нравov v Rossii» knyazyaz M. Scherbatoва i «Puteshestvie» A. Radisheva. M., 1983.]
- Brincat S.* 'Death to Tyrants': The Political Philosophy of Tyrannicide. Pt. 1 // J. of Intern. Political Theory. 2008. Vol. 4. P. 212–240.
- Whittacker C.* Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, 2003.
- Wirschafter E.* The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb, 2003.

Анализируются элементы классического республиканизма в ключевых текстах поздней екатерининской России – «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Вадиме Новгородском» Я. Б. Княжнина. Основными элементами республиканского стиля, используемого в обоих текстах, выступают образы Катона и Брута, признание военной мощи республик, апология тираноборчества и героического самоубийства. Подобный стиль рассуждений о политике формирует в текстах Радищева и Княжнина новое (республиканское) – понимание политической свободы как специфической манеры публичного поведения и отсутствия потенциального произвола.

Ключевые слова: А. Н. Радищев; Я. Б. Княжнин; Брут; Катон; республиканство.

Konstantin Bugrov (Константин Дмитриевич Бугров), dr.
Russia, Yekaterinburg
Ural Federal University
Konstantin.Bugrov@usu.ru